

— Новый 1969-й год я встречал в Ладушкине. Пошёл последний год моей учёбы в аспирантуре. Работа двигалась в целом хорошо. После того как главный путь решения задачи был найден, появилась масса возможностей различных ответвлений, учёта тех или иных особенностей реальной магнитосферы, естественные колебания которой я изучал. Как обычно, я ездил вместе со всеми на станцию, обдумывал и готовил варианты для будущих новых расчётов на ЭВМ в Апатитах.

— Встал залив, начался сезон зимней рыбалки. Мы с Виталиком регулярно бегали за корюшкой. Вечерами резались в настольный теннис в подвале нашего измирановского дома, где по инициативе Суходольской было оборудовано что-то вроде микроспортзала: снесли перегородки у нескольких свободных клетушек, в которых обычно хранят дрова для водогрейной колонки, картошку и всякие соленья, покрасили стены водоземлемой краской, поставили теннисный стол и скамью для ожидающих своей очереди. Играть приходили и ребята из шестых-седьмых классов, и практически все научные сотрудники, включая Суходольскую, и лаборанты. Сражались азартно, особенно мы с Геной Бирюковым и Виталиком - до изнеможения. Здорово играли пацаны - красивый Боря не из нашего дома и Женька Виноградов. Тот пижонил, но играл мастерски.

— Гена Бирюков вернулся из похода в Чехословакию, но ничего интересного я из него не выжал, их госпиталь шёл в арберггарде, стояли в каких-то усадьбах, и запомнилось ему лишь изобилие яблок.

— В конце января к нам в гости приехали Люба с Жоркой, у них начались зимние студенческие каникулы, вместе с ними приехала мама из Ленинграда, куда она ездила навестить всех своих родственников. Люба была на первых месяцах беременности. Жорку я таскал на зимнюю рыбалку, но особого энтузиазма в нём не пробудил, так как клёв был неважный, а продрогли мы как цуцки.

— Как-то вечером к нам домой зашла молодая женщина, учительница ладушкинской школы Рая Одушева, знакомая мне лишь по внешнему виду. Она извинилась за непрошенный визит, представилась как учительница литературы, сказала, что очень любит поэзию и слышала от Чмырёвых (знакома с Наташей), что у нас хорошая библиотека. Ей хотелось бы попросить взять у нас почитать что-нибудь Пастернака. Я дал ей наш малюсенький томик его стихов.

— А "Доктора Живаго" можно? Я видела у Чмырёвых фотокопию, но Виталик сказал, что это Ваш экземпляр, и нужно спросить разрешения у Вас.

— Возьмите, если интересует.

— На том разговор и кончился.

— Всё, что было у нас в домашней библиотеке, и всё, что я привозил из Ленинграда - отпечатанное на машинке, сфотографированное, отэренное, - мы раздавали направо и налево любому, кто просил. В основном это были ближайшие приятели и знакомые, но не исключено, что это читиво выходило из их круга. Так от Суходольской или Вали Тихомировой кое-что попадало к Алевтине Медведевой, с которой мы в общем-то не были близки, а от неё, может быть, и дальше. Нас это несколько не волновало, лишь бы отданное на прочтение в конце концов возвращалось к нам. И до сих пор ничего не пропадало.

— А через несколько дней после этого визита Одушевой, на работе меня вызвала к себе Алла Николаевна и ошарашила:

— Саша, тобой интересуются органы. Мне звонили из КГБ и подробно расспрашивали о тебе: кто такой, где работает, живёт, как часто приезжает, когда уезжает и так далее.

— А в чём дело?

— Не знаю, не говорили. Но, наверное, с тобой захотят встретиться.

— Ничего себе. Что бы это значило?

— Я и в самом деле ничего не понимал, точнее, не видел зацепки. Оставалось ждать, но ждать пришлось недолго. В тот же вечер сначала к Чмырёвым, а от них к нам домой зашла вместе с Виталиком взволнованная Рая Одушева и рассказала, что ее вызывали в Мамоново к районному уполномоченному КГБ Лужбину. Лужбин и его помощник, Щербаков, сначала говорили о том, о чём, расспрашивали про работу, про комсомольские поручения, а потом спросили:

— А какую литературу на фотобумаге Вы дома читаете?

— Она, конечно, растерялась. Ей дали понять, что "им всё известно" и намекнули на меня. Велели ехать домой, хорошенько подумать, явиться к ним на следующий день, привезти запретное чтиво и чистосердечно во всём признаться.

— Чмырёва они не называли, а ведь я брала "Живаго" у него. Что делать? Везти им "Живаго" или сказать, что уже отдала обратно? И что говорить - у кого брала? - растерянно спрашивала Рая. - Вас, - она кивнула в мою сторону, - они точно подозревают. Говорят, что Вы им давно известны, и что у них ещё что-то есть.

— Чтобы не беспокоить маму, гостившую у нас, мы отправились к Тихомировым, где и собрался обсуждать новость совет - вся наша честная компания: мы с Сашенькой, Чмырёвы, Тихомировы, Шагимуратов, Бирюковы, Силячевская, Люба с Жорой, Рая.

— Так а как же они про "Живаго" узнали? - был естественный вопрос к Рае.

— Да я, дура, оставляла у себя в комнате прямо на столе, а у нас с соседями печка общая и протапливается из моей комнаты, так что я её и не закрываю. Ну, видать, зашли без меня и полюбопытствовали, что это я читаю. Да и донесли, куда следует. У меня с ними отношения неважные, они на мою комнату претендуют.

— А никому больше не давала почитать, не показывала?

— Да нет, из комнаты даже не выносила. И не приходил ко мне больше никто.

— А про Чмырёва ты точно им ничего не говорила?

— Нет. Они и не настаивали, чтобы я им сразу сказала, где взяла. Велели подумать, завтра привезти "Живаго" и всё рассказать. А они проверят, правду ли я говорю, им, мол, и так всё известно, и у них уже много таких материалов из одного источника.

— Интересно. А что у них ещё есть?

— Не знаю. Просто сказали, что есть, и по папке какой-то похлопали.

— Ладно, Рая. Решаем так, - сказал я. - "Живаго" мой и брала ты его у меня. Чмырёва нечего сюда впутывать, раз его не подозревают. Говори всё как было, только без Чмырёва. Интересуюсь, мол, литературой, поэзией, просила Пастернака, я дал тебе стихи и предложил ещё "Доктора Живаго". И больше ты ничего не знаешь. Договорились?

— Ладно, - вздохнула Рая. Она чувствовала себя виноватой и выглядела совсем убитой.

— Наши все согласились, что говорить лучше всего так. Звонок Суходольской подтверждал, что я у них на крючке. Про Чмырёва не спрашивали ни Аллу Николаевну, ни Раю. "Живаго" действительно мой, и надо постараться никого кроме меня и бедной Раи в эту историю не впутывать. Мне же лучше будет. Всё же хранение - это одно, а распространение - уже хуже.

— Когда Рая ушла, стали думать, что ещё нужно предусмотреть. Первым делом решили собрать в одно место всё, что раскидано по квартирам. После меня наибольшей коллекцией обладал Виталик, у него были собственные дубли тех же вещей, что я привозил из Ленинграда, из тех же источников, в основном Булгаков, но и кое-что ещё, "Человек из МИНАПа", например, Солженицын. В общем, собрали всё, что было отпечатано не официальным типографским, а "самиздатовским" способом - на машинке или в виде фото- и ксерокопий. Почти всё было в двух или трёх экземплярах, которые делались на всякий случай - вдруг что затеряется.

— Наиболее "опасными" были "Человек из МИНАПа" (за публикации этого и подобных ему произведений за границей Синявский и Даниэль как раз незадолго перед этим получили 7 и 5 лет тюрьмы с последующей ссылкой), "Последнее слово Даниэля", выдержки из "Хроники времён культа личности", предисловие издательства "Посев" к

"Доктору Живаго", "Собачье сердце", "Суд над Бродским". Эти вещи, а также вторые и третьи экземпляры всех остальных решили спрятать. Жорка предлагал запихать всё в большую жестяную банку и закопать сейчас же под кустами в палисаднике, благо темно уже, а то вдруг с обыском придут? "Авось, поленятся ночью-то. Спрячу завтра на работе", - решил я. И вся куча крамольной литературы осталась ночевать на книжных полках у нас дома.

—А Виталька-то бедный, как перепугался, только не побледнел, а покраснел и вспотел весь. Мне за него даже неловко было. Такой здоровый симпатичный парень, а так струсил.

[\(продолжение следует\)](#)